

ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ XIX–XX СТОЛЕТИЙ
СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

*«Желаю
жизни вечной!»*

Жизнеописание
схиархимандрита Михаила
(Балаева)

*Издание приурочено к 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА
2025

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р2

«Желаю жизни вечной!» Жизнеописание схиархимандрита
Михаила (Балаева) / Сост. иером. Пафнутий (Фокин). — Сергиев
Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2025. — 56 с.: ил.

Вниманию читателей предлагается жизнеописание схиархимандрита
Михаила (Балаева) — одного из закаленных на полях сражений Великой
Отечественной войны монахов-фронтовиков, вокруг которых в Троице-
Сергиевой Лавре сплотились и братья, и простые люди, стремившиеся
сохранить веру в сложные послевоенные годы. Несмотря на тяжелое ране-
ние и суровые жизненные испытания, старец сумел сохранить в своем
сердце пасхальную радость, которой щедро делился с окружающими.

ISBN 978

© Иеромонах Пафнутий (Фокин), 2025
© Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2025

Схиархимандрит Михаил (в миру Виктор Федорович Балаев) родился 7 сентября 1924 года в деревне Богородское Загорского района Московской области (ныне пригород Сергиева Посада) в семье крестьян. Окончил семилетнюю школу, а затем Богородскую профессиональную школу резьбы по дереву, получив профессию художника-скульптора¹.

Виктор Балаев был призван на фронт в 1942 году в возрасте 18 лет. Батюшка вспоминал, что именно тогда он впервые узнал о таком монашеском понятии, как отсечение воли. Виктор хотел, чтобы их с товарищем зачислили в один полк, но случилось иначе. Он очень расстроился, а командир строго сказал: «Значит, так: твоя воля была — попасть сюда, попал — можешь теперь забыть о своей воле».

Вначале молодой человек был направлен в 4-й запасной железнодорожный полк, затем — в 75-й отдельный восстановительный железнодорожный батальон. Вскоре пришло письмо от матери, в котором говорилось, что его отец умирает. Виктор очень любил отца и был на грани отчаяния. Он стал горячо молиться, и вдруг услышал женский мягкий тихий голос: «А ты постись...» В недоумении рассуждая

¹ Село Богородское издавна славилось мастерством резной игрушки — этот промысел возник еще в XVI в.

про себя, что бы это могло значить, не почудилось ли ему, он вдруг вспомнил — а ведь идет Успенский пост! И Виктор начал поститься, несмотря на тяжелые условия военного времени и армейской службы. Он стал отдавать редкие кусочки мяса сослуживцам, а те иногда взамен отдавали ему свой хлеб или сахар. Батюшка вспоминал, что очень радовался в таких случаях и держал кусочек сахара за щекой долго, как карамельку. Это умение сохранять непосредственную детскую радость в сложных жизненных обстоятельствах и потом, в Лавре, всегда умиляло братию.

Спустя некоторое время пришло еще одно письмо от мамы, в котором она сообщала, что папа каким-то чудом выжил и поправился. В благодарность Богу и Его Пречистой Матери Виктор решил и дальше соблюдать все посты. Потом он вспоминал, что именно в годы войны пост приносил особенную духовную радость и легкость: «Во времена военной обстановки пытался устраивать пост, где и познал его радость и сладость, — писал он в своей автобиографии при поступлении в Лавру. — В это время особенно пришлось познать необходимость веры в Бога. Руководствуясь лишь тем, что мудрость — это страх Господень, я чувствовал себя прекрасно. И сейчас вспоминаю, какие радостные тогда были взлеты к Богу»².

В марте 1943 года в составе одной из стрелковых частей 33-й армии Виктор Балаев участвовал в боях за освобождение Вязьмы. Об одном из тех боев отец Михаил рассказывал: «Шли мы через Сычевку на Вязьму. Весна 1943 года, грязь-

² Автобиография В. Ф. Балаева хранится в архиве Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Вязьма в годы Великой Отечественной войны

но, болота. Очень тяжело было. Передвигались практически все время пешком. Когда приблизились к Вязьме, нужно было форсировать реку. Было это 12 марта. Над рекой на горе стоял большой собор. Там укрепился немецкий пулеметчик. Несколько атак захлебнулось. Подошла наша очередь, идти надо по тонкому, покрытому водой льду. Я внутренне сказал себе тогда, что, если останусь жив, — уйду в монастырь. Наша рота пошла в атаку. Перебежал через реку. Лег в окоп. Посмотрел по сторонам. До берега добежало лишь двое из ста. Так Господь меня спас».

Отец Михаил вспоминал, что такой молитвы и ощущения близости Бога, какие были на войне, он уже никогда

не испытывал. Рассказывал об одном из боев: дым, черное от самолетов небо, вокруг рвутся снаряды. Куст рядом с отцом Михаилом срезало под корень. Грохот, земля дрожит под ногами. Ощущение полного оцепенения. И вдруг из этого оцепенения его выводит какой-то стук по спине, по животу... Оказывается, это совсем молоденькие солдатики, человек десять, прижались к нему, своему командиру, и кричат от страха: «Мама!» И он начинает молиться за своих бойцов. А от взрывов снарядов засыпает землей и глаза, и уши, и рот. Никто из ребят тогда не погиб.

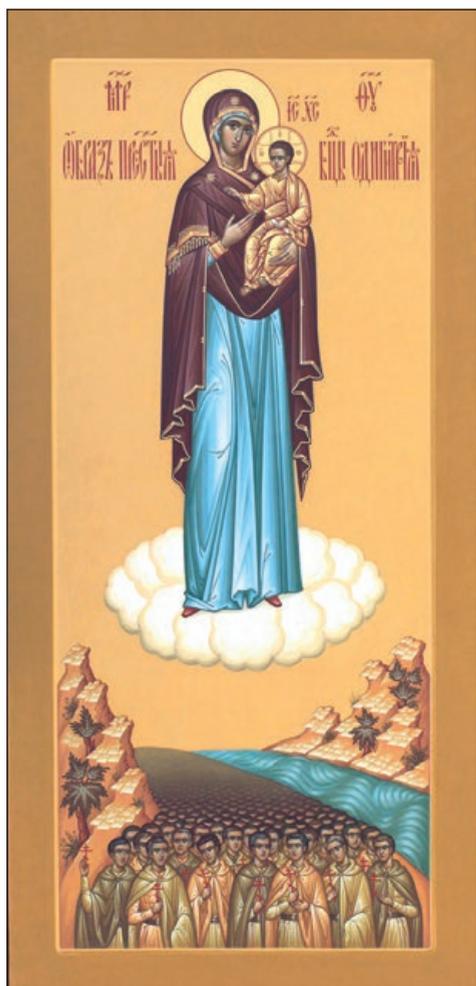
Также отец Михаил рассказывал, как тяжело проходили бои за Смоленск. Шли дожди, спать было негде, есть нечего, многие заболели... А батюшка не заболел, хоть и соблюдал пост. Еще вспоминал, как однажды решил строго поститься всю Страстную седмицу. На Пасху же было

решающее сражение, и многие его товарищи погибли, а он чудом остался жив. «Приходилось за собой таскать тяжелый пулемет Максим — не ползком, а в полный рост. Пули возле меня летели, как дождь, но Господь меня хранил», — вспоминал старец.

11 мая 1944 года сержант Виктор Балаев убыл из военнопересылочного пункта 202-го стрелкового полка в 19-ю гвардейскую стрелковую дивизию. 25 июля 1944 года он был тяжело ранен. Митрополит Серафим (Зализницкий) поделился удивительным откровением молодому бойцу, о котором ему впоследствии поведал сам батюшка: «Однажды меня задел осколок, я оказался в полевом госпитале, и во время операции наступила смерть. Я вышел из тела и вижу, что мое тело лежит, а врач сказал, что я умер. Я ему говорю: “Я не умер”, — но никто не реагировал на мои слова. Ангел Господень поставил меня перед воротами рая. Я увидел необыкновенную красоту и очень широкие ворота, которые были открыты. Воины в светлых одеждах строем в шесть или семь рядов входили во ворота. Многих своих сослуживцев я увидел в этом строю. Возле райских врат стоял Архистратиг Михаил, я подошел к нему и по воинскому земному уставу представился: “Рядовой Виктор прибыл в Ваше распоряжение”. Архистратиг Михаил, подняв главу, спросил: “Господи, куда его?” Господь ответил: “Возвратить на землю, он Мне еще послужит”. Я тут же оказался в теле, почувствовал страшную боль и холод и застонал. Медсестра говорит: “Доктор, он жив”. Господь исцелил меня от ран, и вот — тружусь для Бога донныне».

Виктор Балаев пробыл в госпитале до января 1945 года. По тяжелому ранению и результатам лечения мог быть

Икона «Одигитрия
Вяземская-Ратная»

Спустя десятилетия, когда отец Михаил узнал, что под Вязьмой планируется создание женского монастыря, где молились бы о павших воинах, он рассказал историю о явлении Пресвятой Богородицы в 1941 году и благословил

демобилизован, но предпочел вернуться на фронт — после выписки был направлен в Челябинск в 7-й учебный танковый полк, входивший в состав 7-й учебной танковой бригады Уральского военного округа. Вероятно, он проходил обучение в танковом полку, так как после тяжелого ранения сильно хромал и больше не мог воевать в пехоте. Дошел на танке до Берлина, хотя принимать участие в боях уже не пришлось. По словам отца Михаила, огромное количество военных тогда было направлено в Германию — «так много, что продохнуть было сложно».

В 1947 году Виктор Балаев был демобилизован в звании старшего сержанта.

написать образ с условным названием «Вяземская-Ратная». Сюжет иконы взят из рассказа сослуживца отца Михаила, оказавшегося в так называемом «Вяземском котле».

В 1941 году в тех местах проходили наиболее ожесточенные бои, буквально каждая пядь земли была обильно политая солдатской кровью. Несколько советских военных группировок тогда очутились в «Вяземском котле» и попали под массированный огонь фашистской авиации и артиллерии. Попытка прорваться из кольца окружения была предпринята 14 октября 1941 года — в праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Некоторым удалось вырваться из «Вяземского котла» — им было видение Царицы Небесной.

Сослуживец отца Михаила рассказывал ему, что точек для прорыва было несколько: возле реки Курьяновки, а также в районе деревень Мартюхи, Доманово и Марково³. Задача была рассеять внимание неприятеля и сделать так, чтобы хотя бы один из прорывов удался.

Прорывались одновременно. Когда бойцы выходили от села Богородицкое по реке Курьяновке, то увидели, как над верхушками деревьев шла женщина в длинном платье и жестом руки приглашала за собой, вела и указывала путь. Все поняли, что это — Божия Матерь, так как недалеко была церковь в честь Ее иконы «Одигитрия».

На основании этого рассказа еще при жизни старца была написана икона «Одигитрия Вяземская-Ратная».

³ На высоком берегу реки Курьяновки сейчас находится Спасо-Богородицкий Одигитриевский женский монастырь, а в районе деревни Мартюхи — скит этого монастыря.

Спасо-Богородицкий Одитриевский монастырь под Вязьмой

Со слов настоятельницы Спасо-Богородицкого Одитриевского монастыря под Вязьмой игумении Ангелины (Нестеровой), над иконой «Одигитрия Вяземская-Ратная» начали работать в 2000 году, когда отцу Михаилу сообщили, что на месте «Вяземского котла» получено благословение строить монастырь. Отец Михаил сам рассказал, какое изображение должно быть на иконе.

Первая икона размером 60×80 см была написана в 2002 году в мастерской Валерия и Наталии Колтовых в Твери и размещена в храме святого великомученика Феодора Стратилата в деревне Мартюхи, в скиту будущего монастыря. Отец Михаил видел фото этой иконы и благословил написать большую икону (80×120 см) для Покровского храма монастыря (тогда еще официально не открытого). Эта икона была написана в 2008 году, сейчас она

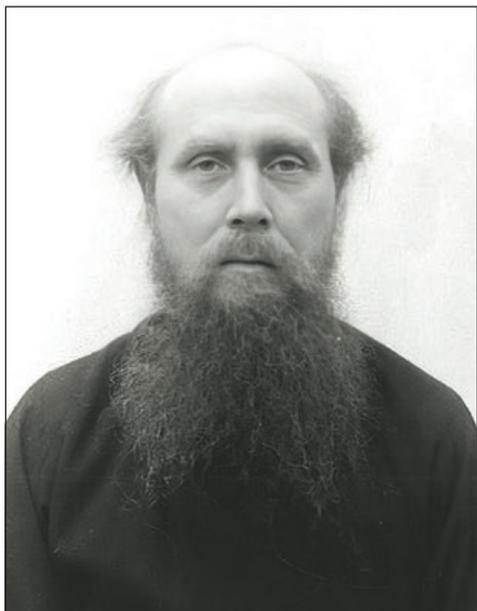
находится в Покровском храме монастыря⁴.

Вернувшись домой в 1947 году, Виктор проработал два года художником-инструктором в профтехшколе деревни Богородское. Он был включен в товарищество Союза художников, а потом и в областной Союз художников. При этом уже тогда он начал мужественно проповедовать Христа, печатая и раздавая людям листовки в защиту веры и Церкви. Впоследствии батюшка смеялся: «Хорошо, что у меня не было тогда рядом единомышленника, а то бы мы с ним такое устроили, что точно бы за решетку угодили».

Через несколько лет по окончании войны Виктор Федорович Балаев сдержал данный им обет. 12 июня 1959 года он был принят послушником в Троице-Сергиеву Лавру. Виктор с детства почитал преподобного Сергия и бывал в закрытой Лавре — будучи школьником, он с классом приезжал сюда на экскурсию. Богослужения здесь в то время уже не проводились — Лавра имела официальный статус музея,

⁴ В 2013 г. в мастерской Валерия и Наталии Колтовых в Твери была создана еще одна копия иконы. 22 февраля 2014 г., во время заупокойного богослужения мясупустной родительской субботы, в Иоанно-Предтеченском соборе Зарайска она была освящена. Игуменья Ангелина также вспоминает об освящении епископом Вяземским и Гагаринским Сергием еще одного списка иконы — в Одитриевском женском монастыре по окончании Божественной литургии 14 октября 2015 г. Еще один известный список иконы «Одигитрия Вяземская-Ратная», созданный в 2023 г., находится в Главном храме Вооруженных сил России в Кубинке. Все перечисленные списки были написаны в той же мастерской в Твери.

Послушник Виктор Балаев

на территории монастыря размещались предприятия и проживали люди. С болью в сердце рассказывал батюшка, как экскурсовод привела детей в притвор Трапезного храма и начала бесцеремонно стучать указкой по стеклянной крышке саркофага, в котором находились мощи Преподобного, выставленные на всеобщее обозрение как «объект антирелигиозной пропаганды». Когда экскурсанты зашли в храм, Виктор

остался в притворе и благоговейно приложился к святым мощам. Преподобный не забыл милость и смелость, проявленные ребенком в годы безбожия, и спустя много лет благословил своего верного раба на служение Богу именно в Лавре.

В 1960 году Виктор Федорович подал прошение на постриг, в котором писал: «От малых лет имея горячее желание послужить Богу, смиренно прошу Вашего благословения, отец Наместник, постричь меня в иноческий чин. Обязуюсь все послушания, возложенные Вами и старшими на меня, выполнять добросовестно, и сберегать уважение и послушание к братии Лавры, и трудиться всегда честно и добросовестно во славу обители преподобного

Сергия». Прошение было удовлетворено, и 19 августа 1960 года, в праздник Преображения Господня, наместником Лавры архимандритом Пименом (Извековым) послушник Виктор был пострижен в монашество с именем Иоасаф, в честь святителя Иоасафа Белгородского.

В монастыре отец Иоасаф нес послушания в братской трапезной, на проходной, пономаря и дежурного Троицкого собора. 29 августа 1961 года епископом Николаем (Кутеповым) он был рукоположен во иеродиакона. Отец Михаил вспоминал, что ему, раненому и хрому фронтовику в диаконском сане, было непросто исполнять послушания. В те годы братии в Лавре было немного. В Троицком соборе дежурили в одну смену: с утра и до вечера. Прийти на послушание нужно было рано, в начале пятого утра, чтобы к братскому молебну успеть затеплить все лампы и приготовить все необходимое к службе. Весь день на дежурстве. Отлучиться можно было только на трапезу, если кого-то присылали на подмену. Но бывали дни, когда подмога не приходила. В 16:30 собор закрывали на уборку. В это время открывали Успенский собор или Трапезный храм для совершения

Иеромонах Иоасаф (Балаев)

Святейший
Патриарх Алексий I (Симанский)

Иоасаф очень любил Патриарха и часто вспоминал о нем как о человеке святой жизни. Однажды батюшкой, как приближенным к Патриарху человеком, заинтересовались органы. Его даже вызвали на допрос, на котором, в частности, спросили: «Как Вы стали монахом»? «А я им родился», — отвечал он.

После кончины Святейшего отец Иоасаф продолжал нести послушание в Переделкино. 4 апреля 1974 года он был возведен в сан игумена.

В 1988 году батюшка был освобожден от возложенного послушания и возвращен в Троице-Сергиеву

уставного вечернего богослужения. Иеродиакону Иоасафу после дневной смены в Троицком соборе нужно было сразу, практически без отдыха, идти служить: диаконов тогда не хватало.

18 октября 1969 года иеродиакон Иоасаф был рукоположен во иеромонаха и направлен в Патриаршую резиденцию в Переделкино. Отец Иоасаф нес там послушание с 1969 по 1988 год. Он был одним из келейников Святейшего Патриарха Алексия I. Отец

Лавру. В октябре того же года наместником Лавры архимандритом Алексием (Кутеповым) отец Иоасаф был пострижен в великую схиму с наречением имени в честь Архистратига Божия Михаила.

Перед постригом к отцу Иоасафу, который сильно болел и к тому времени уже две недели как не мог есть, пришел отец Алексей и спросил: «Ну что, созрел для схимы?» А тот ответил, как ребенок: «Не-а!» И после ухода отца Наместника, обратившись к преподобному Сергию, чья икона висела напротив, по-детски сказал: «Тебе-то хорошо, ты уже на Небесах, а мне каково тут в схиме будет? Я пока не готов». Прошло еще четыре дня. Батюшка уже не мог даже пить. И в какой-то момент вдруг тихо произнес: «Я послушник — надо проявить послушание. Зовите отца Наместника». Вместе с отцом Алексием к батюшке пришли около двадцати человек братьев, и состоялся постриг отца Иоасафа в великую схиму.

После пострига отец Михаил пошел на поправку, однако последующие годы стали для него временем тяжелых испытаний. Помимо постоянных притеснений от властей,

Схиархимандрит
Михаил (Балаев)

опять начались проблемы со здоровьем — тяжелая бронхиальная астма, затем злокачественное заболевание кишечника. В 1996 году старец перенес тяжелую операцию в больнице № 119 (в Химках). Как и при постриге в схиму, он проявил истинно монашеские смирение и послушание: ему была совершенно невыносима мысль, что придется делать операцию на кишечнике, — старец знал, с какими последствиями ему придется столкнуться после такого вмешательства, но по послушанию священноначалию смирился и безропотно поехал в клинику. Можно сказать, что с появлением там батюшки как одного из первых лаврских пациентов началось духовное окормление клиники Лаврой. Со временем сотрудничество укрепились, и сейчас больница является медицинским центром, в котором лечится лаврская братия. «Врачи и лекарства — от Бога, — говорил отец Иоасаф. — Они делают свое дело, а ты делай свое — молись!» И, конечно, он усердно молился сам. Даже покрасил окна своей кельи в Переделкино белой краской, чтобы не отвлекаться от молитвы. Игумен Филипп (Ельшин) вспоминал, что и в больнице батюшка поступал подобным образом: «В 1996 году, когда отца Михаила оперировали, я четыре недели жил с ним в одной палате, помогал ухаживать за старцем. В один из воскресных дней к нам приехал лаврский иеромонах с Запасными Дарами — причастить. После Причастия мне было очень радостно, весело, а отец Михаил вдруг попросить зашторить окна. Занавески были плотными, темными, и в палате сразу стало темно. Мне было удивительно — зачем в воскресный день после Причастия сидеть в полумраке? Я не мог понять такого благословения

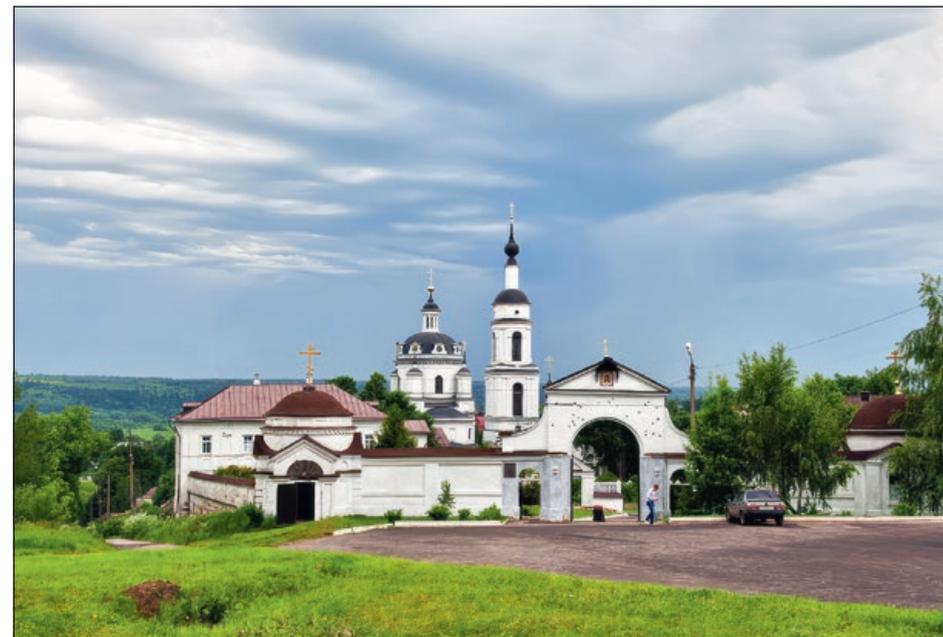
и, расстроенный, ушел гулять. А вечером батюшка мне объяснил: “Понимаешь, когда я смотрю в окно и вижу там леса, поля, то красота земного мира меня отвлекает, а ведь я должен думать о Небесном Иерусалиме... Поэтому я и зашториваю окна после Причастия”. Я на всю жизнь сохранил эти слова в своем сердце — для меня это пример того, как христианин и монах должен вести себя после принятия Святых Христовых Таин».

Иеромонах Моисей (Дроздов) также поделился своими воспоминаниями: «По мирской профессии я врач-офтальмолог, поэтому иногда приходил в келью к отцу Михаилу, недавно перенесшему операцию, чтобы оказать ему медицинскую помощь. Будучи очень внимательным и чутким человеком, батюшка часто оставлял мне свой обед, который ему приносили из трапезной. А иногда, наоборот, угощал гнилыми фруктами, обличая таким образом страсть чревоугодия. Он каким-то непостижимым образом чувствовал, когда она меня начинала одолевать. Отец Михаил умел и обличить, и направить меня как монаха в нужную сторону. Так, однажды старец, страдающий от катаракты, попросил меня сделать ему очки, на что я возразил: “Батюшка, в Вашем случае очки уже не помогут. Это та сфера, в которой уже Вы должны меня слушаться, а не я Вас”. На это отец Михаил строго ответил: “Ты должен слушаться меня ВО ВСЕХ сферах!” В другой раз я пришел к нему, чтобы сообщить, что преставился Борис Николаевич Ельцин, на что старец спросил: “А кто это такой?” Таким образом он дал понять, что мы не должны интересоваться политическими новостями, а должны жить духовной жизнью».

После возвращения из больницы в 1996 году отец Михаил уже до конца жизни не покидал Лавру. Последние годы перед кончиной, страдая от тяжелых болезней, он провел в своей келье. В конце 1990-х он еще посещал службы. При этом, собираясь в храм, говорил: «Как будто из гроба встал», — настолько тяжело ему давались любые передвижения. Однако в келью батюшка возвращался уже одухотворенным, счастливым. С начала 2000-х годов старца привозили на службу уже на инвалидной коляске — для него было огромным утешением причаститься Святых Христовых Таин именно в храме. Однако, поняв, что немощи усиливаются, отец Михаил смирился и стал покидать келью лишь пару раз в год — братия отвозили его на общее братское соборование Великим постом и на Пасху в алтарь Трапезного храма. При этом он неизменно пребывал в бодром состоянии духа, шутил над своими немощами, всегда откликался на просьбы дать короткие наставления, особенно если человек искал решение о выборе дальнейшего жизненного пути и думал о принятии монашеского пострига.

А на батюшкины именины, в Михайлов день, братия во главе с Наместником после праздничной трапезы сами шли в келью поздравлять именинника. После многолетия владыка Феогност говорил отцу Михаилу поздравительное слово и в конце добавлял: «Отцы, смотрите и учитесь: старец в такой немощи, а в какой радости всегда пребывает!»

Пасхальная торжествующая радость действительно озаряла батюшку несмотря на тяжелые телесные недуги. Он мог утешить, пожалеть, воодушевить, сам оставаясь при-

Свято-Никольский Черноостровский женский монастырь
в Малоярославце

кованным к одру болезни. В этом виделось некое таинство: Господь давал отцу Михаилу духовную силу и мудрость, несмотря на собственную физическую немощь, помогать другим, разрешать очень сложные проблемы, по слову Апостола — «сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12, 9).

Мало кто догадывался, насколько мученической была жизнь старца в этот период. При этом на тревожные вопросы о здоровье батюшка весело, как солдат, отвечал: «Отлично! Лучше всех!»

Эти годы жизни батюшки были особенно духовно плодотворными. По его молитвам строились и расцветали новые монастыри. Близкой духовной дочерью старца стала

Отец Михаил благословляет игумению Николаю с сестрами
восстанавливать Свято-Никольский Черноостровский монастырь.
Изображение на стене Никольского собора обители

игумения Николая (Ильина), на плечи которой легло бремя восстановления разрушенного Свято-Никольского Черноостровского женского монастыря в Малоярославце. Отец Михаил молился, благословлял и внимательно вникал во все детали жизни молодой обители, укреплял в сестрах боевой дух, передавал свой духовный опыт. Матушка с сестрами и детьми приюта часто посещали старца в Лавре. Необычно было слышать в братском корпусе пение тропарей и рождественских колядок звонкими детскими голосами, а войдя в келью, видеть ее заполненной нарядными воспитанницами, старательно исполнявшими песнопения под

руководством сестер-наставниц. Такие встречи были очень дороги для отца Михаила и, несомненно, остались навсегда в памяти всех присутствовавших. Впоследствии многие сестры Свято-Никольского Малоярославецкого монастыря стали игумениями возрождающихся обителей по всей России и за ее пределами — в Малоярославце, Калуге, Хабаровске, Тюмени, Саратове, на Кавказе, в Кузбассе, даже в Америке. Настоятельница Гремячева Свято-Успенского монастыря игумения Михаила (Осипова), которая начала свой монашеский путь также в Свято-Никольской обители, вспоминала: «Благодаря батюшкиному воспитанию в духе послушания, смирения, Иисусовой молитвы сестры Свято-Никольского монастыря восстанавливают новые обители по образцу своего родного Малоярославецкого монастыря, устраивают при них детские приюты. Всех нас объединяет крепкая духовная связь с нашим старцем батюшкой Михаилом, с нашей духовной матерью игуменией Николаей и друг с другом». Отец Михаил всегда говорил, что у Бога один большой монастырь, разбросанный по всему земному шару, и монахи — это единая большая семья.

Одна из монахинь — духовное чадо старца — рассказывала: «Отец Михаил тщательно скрывал свою прозорливость, но несколько случаев я хорошо запомнила. Во время одного из посещений старца у меня было такое смущение: я хотела задать вопрос, но никак не решалась. Дело в том, что я очень любила Святейшего Патриарха Пимена, верила, что он был святой человек, потому что даже в гробу руки у него оставались теплыми, но в последние дни меня кто-то сильно смутил, сказав, что он был “советским Патриархом”

и что его поставили власти. И вдруг батюшка ни с того ни с сего говорит: “А Патриарх Пимен был хороший, Святейший Алексей I ему доверял и хотел видеть его своим преемником на Патриаршем престоле”.

В другой раз, прощаясь со мной, батюшка дал вдруг деньги и сказал: “Обязательно зайти в церковную лавку и купи себе книжек”. Я выбегаю из обители как на крыльях, пролетаю мимо ворот и думаю: “Ладно, у себя в монастыре книжки куплю”. Но внутренний голос строго напоминает: “Батюшка велел зайти в лавку!” Возвращаюсь — а там наш помощник с семейством. Увидел меня и звонит по телефону в монастырь: “Матушка, благословите вашу сестру из Лавры подвезти”. Тут у меня сами собою слезы полились: “Батюшка! Да за что ты нас так любишь?” Мне бы за мои дела всю ночь пешком идти, а тут тебя будто ангелы-хранители встречают и до самой святой обители довозят!»

Еще одна сестра делилась: «Наша матушка Игуменья на все брала благословение у старца — каждую новую сестру

возила в Лавру к отцу Михаилу и спрашивала, можно принять в монастырь или нет. Так я попала к батюшке. Всю дорогу вспоминала грехи для исповеди и обдумывала вопросы, которые можно было бы задать. Но когда я увидела старца, все вопросы отошли на задний план — все стало не

Протоиерей Сергей Правдолюбков

таким уж и важным. Отец Михаил отнесся ко мне с отеческой любовью — подарил скуфейку, пояс и четки. Все слова, которые он мне тогда сказал, оказались благословением на всю жизнь, причем не только мне, но и моим родителям. Что-то уже исполнилось, а что-то исполняется сейчас».

О старце с большим теплом вспоминал протоиерей Сергей Правдолюбков: «Удивительный батюшка. Моя сестра Елена хорошо его знала, потому что проработала несколько лет в Патриаршей резиденции в Переделкино и часто с ним общалась. Через нее он передал мне совершенно поразительный подарок — наперсный крест архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Я бы никогда в жизни не смог отдать такую святыню — а он отдал! Только монахи могут делать такие подарки! Я храню этот крест как драгоценную святыню сразу от двух отцов — отца Иоанна и отца Михаила. Еще от отца Михаила в нашей семье сохранились кресты, которые он сам вырезал, — для вкладывания в руку почившего в гробу. С этим крестом был похоронен мой отец, моя мама, и на мою долю тоже крест остался. Есть еще наперсный крест-мощевик с частицами мощей святых угодников. Таким образом, связь нашей семьи с отцом Михаилом и с Троице-Сергиевой Лаврой продолжается — и в этом такая любовь и такая радость!»

Отец Сергей не дожил двух недель до батюшкиного столетия. Он преставился 24 августа 2024 года. И рука почившего в гробу крепко сжимала крест, вырезанный отцом Михаилом.

Еще один крест-мощевик, вырезанный батюшкой, сейчас хранится у братии. В Лавре сложилась традиция: когда

кто-то едет на послушание в зону боевых действий, окормлять военных, — берет с собой этот крест.

Отец Михаил был воплощением любви, радости и детской непосредственности. Он мог взять кочерыжку капусты и, демонстрируя ее окружающим, весело восклицать: «Смотрите, это же дельфинчик!» Или попросить принести ему с улицы охапку листьев и восхищаться, какую красоту создал Бог.

«Схиархимандрит Михаил никогда не унывал, пребывал всегда в духовной радости, встречал нас с великой любовью, — вспоминал митрополит Серафим (Зализницкий). — Смирненно брал благословение, целуя руку, но своей руки целовать не давал. Впервые о старце я услышал от схимонахини Елены — Христа ради юродивой Александры (Капустиной). Это была подвижница высокой духовной жизни, тоже участница Великой Отечественной войны, герой Советского Союза. Все именовали ее “матушка Александра”, и она многим рекомендовала в затруднительных ситуациях писать в Троице-Сергиеву Лавру схиархимандриту Михаилу. Когда я впервые посетил батюшку, передо мной предстал старец древнего аскетического духа, настоящий воин Христов. Внешне он был худенький, немощный, но внутренне — камень веры, образ смиренномудрия, рассудительный и любвеобильный старец. Я начал регулярно его посещать — примерно раз в месяц. При каждой моей встрече со старцем для меня в нем открывалось что-то новое и вместе с тем непостижимое. Он был немногословным, но его слова были очень жизнотворными, исполненными Евангельской истины

Отец Михаил с келейником

и святоотеческого опыта монашеской жизни. Если приходилось принести ему что-нибудь в дар, отец Михаил стеснялся это принимать, говорил: “Мне же будет грех”. А когда я говорил: “Примите ради Христа”, — тогда он принимал с благодарностью, славя Бога. При каждом моем приезде я заставлял старца за чтением Псалтыри. Он рекомендовал мне всегда читать Псалтырь, ибо это река мудрости, самопознания и школа покаяния».

Однажды отца Михаила спросили: «А Вы когда-нибудь любили?» И он ответил: «Да, очень! У меня была младшая сестричка Манечка. Когда утром мы с ней шли пасти гусей — босиком по острой осоке — я полз перед ней и стелил траву, чтобы она ножки не порезала». Вот такая любовь!

Одним из самых больших грехов батюшка считал уныние, часто повторял: «Жить — не тужить!

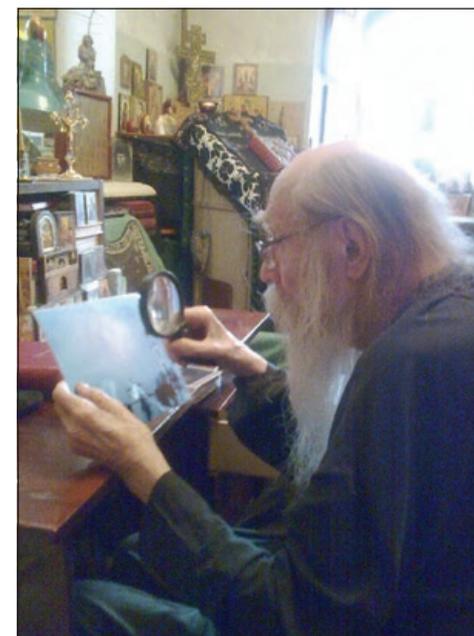
Пой веселее! Уныние — это грех!» Говорил, что человек, который унывает, как бы отворачивается от Бога, не доверяет Ему, Его бесконечной любви и милосердию. Однажды отец Михаил произнес: «Сижу я в унынии и говорю: “Где же Ты, Господи?” А потом опомнился — нет, где же это я, если Тебя нет со мною!» Батюшка всегда ободрял: «Это все пройдет. А потом будет что-нибудь похуже, но и то пройдет. А потом еще хуже — и оно пройдет. Зато какой опыт будет — можно уже ничего не бояться!»

«Отец Михаил говорил, что ни в коем случае нельзя впадать в уныние, — это было одним из самых частых его наставлений, — вспоминал архимандрит Глеб (Кожевников). — Ты можешь совершать грехи и каяться, но если ты впал в уныние, то тогда враг может тебя полностью

победить. Я часто бывал на исповеди у отца Михаила. Иногда какие-то грехи забывались, и тогда старец начинал рассказывать о своих грехах, как будто это он кается, а не ты. И этим он как бы побуждал тебя каяться лучше, и забытые грехи вспоминались. Не знаю, сможет ли кто сравниться с батюшкой по его доброте и любви к кающимся и к братии, — разве что архимандрит Кирилл (Павлов). Можно сказать, что отец Кирилл и отец Михаил были как два лаврских крыла. Многие духовники проявляли строгость, а они всегда все покрывали своей любовью».

Глядя на иконки Спасителя, отец Михаил часто повторял: «Как свято, как хорошо! Господь с овечкой, Добрый Пастырь!» Или: «Какой у нас Господь! Разве можно не любить Такого Господа!»

Братия часто, проходя мимо Предтеченского корпуса, считали своим долгом заглянуть к схимнику, предложить посильную помощь. Однажды старец попытался встать и упал с кровати на пол. Лежит и молится. Когда вошедший монах увидел отца Михаила на полу, то испугался: «Батюшка, да что Вы здесь делаете?» — «Вот, летаю — неправильно

Схиархимандрит Михаил и архимандрит Наум (Байбородин) в алтаре Трапезного храма Лавры. На заднем плане архимандрит Виталий (Мешков)

приземлился. Ну, бросай, бросай меня скорее на кровать!» Такую бодрость духа батюшка сохранял до конца жизни.

К рекомендациям врачей отец Михаил относился очень ответственно, старался тщательно исполнять все предписания и вовремя принимать лекарства. Врачи тоже несли свое «послушание» следить за здоровьем старца с радостью, регулярно посещали его, проводя лечение в келье и периодически в больнице. По их мнению, можно было только удивляться, как батюшка в течение 15 последних лет своей жизни справлялся с недугами, перенося тяжелые болезни

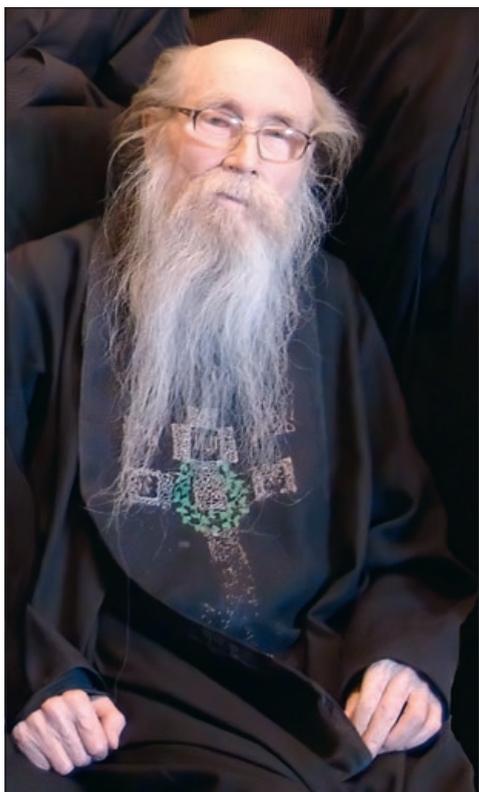

и вновь «воскресая» для молитвы и помощи нуждающимся в духовной поддержке.

Отец Михаил любил врачей. Часто повторял, что врач — это лучшая профессия на земле. Батюшка всегда старался оказать медикам внимание, преподнести в дар духовную литературу или полученные от духовных чад угощения.

Однажды в середине 1990-х годов после поздней консультации в келье, когда врачам нужно было преодолеть около ста километров по ночной заснеженной дороге, батюшка вдруг обратился к лаврскому эконому: «Нужно бы бензинчику на дорожку налить доктору». Врач и эконом переглянулись, испугавшись благословения старца, которое, конечно, невозможно было выполнить. И вот на

выезде из Сергиева Посада, когда уровень топлива действительно стремился к нулю, было решено заправить старенький «москвич» на автозаправке хотя бы на десять литров, чтобы дотянуть до дома. Далее произошло непонятное: колонка стала отсчитывать 10, 20, 30 литров, вскоре топливо перелилось и заструилось по асфальту, грозя загореться. Сотрудникам автозаправки ничего не оставалось, как отключить электричество. Оказалось, что колонка вышла из строя и перестала останавливать подачу топлива именно на машине доктора. Оплату за «перелив» брать не стали.

Как-то отцу Михаилу стало плохо, приехали врачи из Москвы, выписали лекарства и уехали. Старец принимал препараты как положено, однако лучше ему не становилось. Когда доктора навели его в следующий раз, он их спросил, почему же так происходит. Те переглянулись и, как бы извиняясь, говорили: «Ну, мы хотели, мы думали...» Прервав невнятные ответы, батюшка сказал, как отрезал: «Нужно не хотеть и думать, а знать и делать!» Правда, после замечаний он обязательно

добавлял что-нибудь утешительное, так что обижаться на него было совершенно невозможно.

Николай Владимирович Костенко — один из лечащих врачей отца Михаила — вспоминал: «После операции 1996 года до своего ухода батюшка находился под постоянным наблюдением лаврских врачей и докторов из Москвы, которые регулярно посещали его в келье. Вспоминается разговор, за несколько лет до кончины старца, когда его состояние в очередной раз ухудшилось и он был слаб. Корректируя лечение, врачи объясняли свои действия: “Батюшка, надеемся, что наши усилия помогут Вам дожить хотя бы до ста лет”. На что отец Михаил незамедлительно бодро ответил: “А это меня не устраивает! Я желаю жизни вечной!”»

В жизнь вечную отец Михал отошел 14 июля 2009 года в четвертом часу пополудни. Особых тяжелых обстоятельств, свидетельствующих о том, что старец скоро преставится, не было. Последние годы, конечно, он пребывал в сильной телесной немощи — казалось, его здесь уже ничто не держит. Даже веки на глазах он не мог поднять, и пальцы на руках не сгибались. И чтобы увидеть пришедшего,

Архистратиг Михаил.
Келейная икона отца Михаила

он приподнимал веки той частью руки, которая могла двигаться...

В последнюю ночь отец Михаил почти не спал. «Радуйся, Невесто Неневестная», — очень часто повторял он припев из акафиста, как бы в забытьи, в полусне. Начинаясь обычно в 9:00 келейное правило в тот день не начали — батюшку не стали будить, потому что он только заснул. Проснувшись около 11:00 и узнав, который час, старец расстроился: нужно было все равно будить и молитву начинать в свое время — правило должно начинаться вовремя, и телесные немощи не причина его откладывать.

После обеда должен был зайти братский доктор игумен Тихон. Как раз около 14:00 самочувствие старца ухудшилось, и он начал задыхаться. Отец Тихон сразу определил, что отец Михаил отходит. Отец Благочинный распорядился прислать священника со Святыми Дарами. У одного из иеромонахов были приготовлены Дары для другого болящего, которого не получилось причастить в тот день. С некоторым удивлением отец иеромонах рассказывал потом, что Дары как бы ждали батюшку. Причастившись, старец вскоре потерял сознание, как будто мирно уснул. К этому времени в монастыре уже многие узнали о происходящем, и в келье отца Михаила стали собираться братья. Зажгли свечи. Начали петь канон на исход души. Отец Тихон держал отца Михаила за руку, прощупывая пульс. И при чтении заключительной молитвы сказал, что старец отошел. После отпуста сразу начали петь канон по исходу души, при большом стечении братии, с возжженными свечами.

Слово Наместника Лавры архиепископа Феоноста перед отпеванием отца Михаила

По окончании канона братия пошли в храм. Как раз начиналось вечернее богослужение. Пока шла служба, отца Михаила облачили в погребальные схимнические одежды. После службы братия из храма пришли в келью, послужили литию и соборно с пением перенесли тело старца в Духовской храм. Чувствовалось не только торжество, но и строгий порядок. Все вписывалось в монастырский уклад.

Проводы в последний путь

В своем соболезновании Наместнику и братии монастыря Святейший Патриарх Кирилл отметил: «Со скорбью воспринял весть о кончине одного из старейших насельников Свято-Троицкой Сергиевой Лавры схиархимандрита Михаила (Балаева). Его почти полувековое монашеское служение началось под покровительством святителя Иоасафа Белгородского. При постриге в схиму его небесным заступником и ходатаем стал святой Архистратиг Божий Михаил, что явилось знамением пламенной веры схиархимандрита Михаила и ревностного служения Господу. Двадцать лет приснопамятный инок с прилежанием во славу Божию нес послушание в Патриаршей резиденции в Переделкино. Его усердием поддерживалось должное благолепие,

Могилка отца Михаила на братском кладбище в селе Деулино

сохранялась преемственность древних традиций. На протяжении последних двух десятилетий отец Михаил неленостно совершал иноческий подвиг в стенах Троице-Сергиевой Лавры, стяжав уважение и любовь братии. В связи с постигшей утратой выражаю искреннее соболезнование Вам, досточтимый владыко Наместник, и всем насельникам монастыря. Да упокоит Господь душу новопреставленного схиархимандрита Михаила в обителях небесных и сотворит ему вечную память».

Схиархимандрит Михаил погребен на братском кладбище в селе Деулино Сергиево-Посадского района.

Братия Лавры и духовные чада отца Михаила сохранили в своем сердце и донесли до нас высказывания старца, которые могут назидать и сейчас. Вот некоторые из них:

- Монахом становится человек не при постриге монашеском, а еще в миру — когда сердце загорается любовью ко Христу.

- Никто не знает самых великих молитвенников. Может быть, какая-нибудь «заболотная бабушка» вымаливает весь мир.
- Многие молятся самой жизнью.
- Не нужно брать на себя подвиги сверх силы. Нельзя «перетягивать», но нужно иметь для души отдых: любоваться природой, ходить на святой источник.
- Все следует делать в меру. Нужно жить проще. Можно есть во славу Божию. Можно спать во славу Божию. У каждого своя мера, чтобы высыпаться.
- Поститься сугубо можно, однако пост не должен быть угрюмым, с усилием и раздражением. А если чувствуешь от умеренного поста радость и облегчение — тогда можно.
- Не следует ничего делать через силу, с давлением. Для молитвы очень опасно брать на себя сверх меры, так как за этим следует срыв и уныние.
- Нужно опасаться формального отношения к молитве. Нельзя молиться без внимания, только для счета — «горох перебирать».
- Умереть на послушании — это особая милость Божия, а вот искалечить себя излишним рвением и стать ни на что дальше не способным — это большой грех.
- Самое страшное — это «зажать» свою душу в тиски. Вот начнет монах или мирской человек подвизаться — и так себя смиряет, так понуждает, что перетянет все туго-туго, и душе не дает вздохнуть — ни радости, ни живой молитвы нет. От того в уныние потом впадает или в прелесть.

- Обязательно нужно приумножить тот талант, который дал Господь: кому петь — петь, кому учить — учить, кому рисовать — рисовать. Господь потом строго спросит.
- Никого не осуждай! Засунь нос себе под мышку — и там себя нюхай.
- На слезах всегда вырастают цветочки.
- Уныние — это грех. Веселитесь всегда — это самое правильное устройство. Веселитесь духовно: и правило можно радостно петь — это молитва.
- Очень полезно делать выписки из книг святых отцов — те места, которые особенно запали в сердце. После перечитаешь — и сердце снова согреется от них. Это тоже молитва.
- Нельзя, чтобы Господь был у тебя слугой.
- Правды на земле нет. Правда — на Небе. Но у нас на земле есть кусочек Неба — это Святая Церковь.
- Очень хорошо, когда что-то получается, а что-то — нет. И смиришься, и потрудишься, и помолишься.

Самым частым и запоминающимся наставлением старца были слова, которые он обычно говорил на прощание: «Прыгай веселее!» Такое его радостотворное благословение надолго оставалось в душе.

«Желаю жизни вечной!»

Жизнеописание
схиархимандрита Михаила (Балаева)

Составитель
иеромонах Пафнутий (Фокин)

Редактор
Анна Романова

Корректор
Елизавета Николаевна Струнец

Дизайн, верстка
Михаил Алимпов

Подписано в печать ??..12.2024. Формат 70×90 1/16
Объем 2,5 п.л. Печать офсетная. Тираж 1 000 экз. Заказ №

Отпечатано с файлов, предоставленных заказчиком,
в АНО «Издательско-полиграфический центр
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры», г. Сергиев Посад
Тел.: +7 (495) 777-26-90